

Бон

Диана

НЕЧИСТЬ,
или Тайна старинной шкатулки

Диана Борисовна Бош
Нечисть, или Тайна старинной шкатулки

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4930604

Нечисть, или Тайна старинной шкатулки: [роман]: Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-44783-9

Аннотация

Дело, которое ведет молодой следователь Есия Гостищева, не предвещает неожиданностей. Но вникая в суть, Есия с изумлением понимает, что здесь странным образом замешано прошлое, причем связанное с родовым проклятием ее собственной семьи. Можно по-современному отмахнуться и назвать это сказками, но начинается череда совершенно необъяснимых и даже зловещих вещей. Пытаясь разобраться, что происходит сейчас и что натворили ее предки много лет назад, Есия осознает: жизнь сына может оказаться под угрозой. Но как вырваться из порочного круга?..

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Диана Бош

Нечисть, или Тайна старинной шкатулки

ИЗ СУДЕБНОЙ ХРОНИКИ

Вчера, 6 июля 1898 года, скончался Герман Гостищев. Злые языки утверждают: он убит своею супругою, Марфой, которую не раз бивал нещадно и над которой издевался немилосердно. Поговаривают, что доведенная до отчаяния Марфа нашла способ извести постылого супруга. Следствие ведется.

Есия аккуратно вложила газетную вырезку в шкатулку и встала с колен. Дом, в котором она сейчас находилась, построил ее пращур Герман Гостищев. Этот дом семья потеряла в двадцатых годах прошлого века, и давней мечтой ее бабушки, мамы, а потом и Есии было когда-нибудь выкупить его. Это удалось не сразу: Есии, русоволосой зеленоглазой красавице с нелегкой профессией следователя в следственном комитете, исполнилось двадцать семь лет, когда она приобрела это родовое поместье.

Каждый раз, когда маленькая Есия приезжала в небольшой подмосковный городок в гости к бабушке Марии и прабабушке Татьяне, они обязательно возили ее в этот дом. Точнее, *к этому дому*, потому что внутрь Есия не заходила. Там жили чужие люди, и просить у них осмотреть дом изнутри обе бабушки считали неприличным.

Они подвозили Есию к дому и рассказывали, как строил его пращур, как погиб потом его сын при странных обстоятельствах и как любила прапрабабушка Марфа двоих своих малолетних детей. Тут воспоминания бабушек начинали путаться, а события – смешиваться.

Получалось, что остались детишки еще в малолетстве сиротами, а вот отчего и почему – точно никто не знал. Семейное предание гласило: умерла Марфа вскоре вслед за мужем совсем молодой. Но Есия чувствовала: что-то бабушки недоговаривают.

Однажды в порыве ностальгической грусти прабабка Татьяна рассказала: Марфа не просто так умерла, а после того, как разлучили ее с детьми да посадили в острог. Не вынесла разлуки. А сироток потом растили опекуны, да так увлеклись, что все состояние Гостищевых к рукам и прибрали. Ни дома наследникам Германа Гостищева не досталось, ни денег. А состояние между тем было немалое.

Рассказала это прабабушка, да и испугалась. Сколько потом ни просила Есия поведать всю историю еще раз, сколько ни пыталась расспросить подробности, Татьяна была нема как рыба.

«Не помню, чтоб я такое тебе говорила», – отвечала нарочито рассеянно она.

А бабушка Мария и вовсе в ответ на расспросы плечами пожимала: «Не было такого у нас в семье никогда, не знаю ничего».

Но к родовому имени своему Есию они регулярно возили. И даже просто проезжая мимо небольшого, почти скрытого за буйной растительностью от посторонних глаз дома, обязательно восклицали: «А вот здесь ты могла бы жить, деточка! Но, видно, не судьба».

После смерти прабабушки мама Есии, названная когда-то в честь бабки тоже Татьяной, забрала свою мать в Москву. Они продали дом в Н-ске и перестали туда приезжать. Но Есию, как и прежде, тянуло к старому особнячку. Повзрослев, она изредка навещала маленький провинциальный городок и наведывалась к дряхлеющему дому. Он постарел, осыпался, и ему давно уже нужен был капитальный ремонт.

Когда-то дом был поделен пополам и в нем проживали две семьи. Позже одну половину отдали под склад, а во второй жила большая шумная семья. С течением времени домочадцы разъехались, и в доме осталась только пожилая супружеская пара. Даже склад и тот опустел.

Единственные жильцы старинного особняка, похоже, не сильно озадачивались ремонтом. Но Есия даже была благодарна им за это. Каждый раз, приезжая в городок, она с замислением сердца ждала встречи с домом. Ей было страшно увидеть вокруг него строительные леса, сбитую лепнину и выброшенные на помойку старинные двери и рамы. Но, к счастью, обошлось. Старички совсем одряхлели, и кто-то из взрослых внуков забрал их к себе. Дом продали. Быстро и за бесценок.

– И зачем ты это сделала? – не разделила ее восторгов маменька Татьяна Михайловна, когда Есия прибежала к ней с купчей.

Очень уж ей хотелось сюрприз сделать, и потому о покупке дома она молчала до последней минуты.

– Как это зачем? – растерялась Есия. – Мам, разве тебе не хотелось походить по комнатам этого старинного дома, увидеть его лепные потолки и камин с изразцовой позолотой?

– Откуда я могла знать, что тебе взбредет в голову его купить! И потом, я уверена, там ничего уже не осталось. Потому и не стоило тратить. Это первое. И второе: у тебя растет сын! Покупка дома – не самое лучшее вложение. Богачка выискалась. Лучше бы новую квартиру купила или домик на берегу реки, чем старье всю оставшуюся жизнь реставрировать. Ребенка нужно на лето на природу вывозить.

– Так я о ребенке и думала!

– Чушь. В этой рухляди опасно жить. Если уж дом покупать, то пусть и небольшой, да новый.

Шла третья неделя со дня покупки недвижимости, а Татьяна Михайловна так и не решилась переступить порог дома своих предков. Есию это и обижало, и удивляло. Маменька всегда отличалась неумным любопытством и неукротимой энергией и по логике вещей давно должна была заинтересоваться. Но она продолжала упрямствовать. Есия же с трудом дожидалась выходных, чтобы снова поехать в старинный дом. Ей доставляло удовольствие убираться в комнатах и осматривать вещи и потаенные уголки.

Однажды ее любопытство было вознаграждено. находка – старинная резная шкатулка, украшенная кусочками малахита и яшмы, – оказалась спрятанной в двойном днище старого платяного шкафа. Пыльный и забитый тряпьем, он стоял на чердаке, в дальнем углу, в стороне от света и сквозняков. Есия начала освобождать шкаф, раздумывая, можно ли отреставрировать красивую старинную вещь самостоятельно, как вдруг одна из нейлоновых, пожелтевших от времени гардин, лежащих на шляпной полке, зацепилась за гвоздь. Прочная ткань рваться не желала, как ни дергала ее Есия. Пришлось влезть внутрь шкафа, чтобы попытаться отцепить гардину.

Едва Есия поставила на днище ногу, как что-то хрустнуло и дно провалилось. Оно оказалось двойным и скрывало старинную шкатулку, полную писем и дневников. Есия зачарованно уставилась на неожиданную находку. Она присела на край кушетки у самого окна и открыла шкатулку.

В ней оказались дневники прапрабабки Марфы. Начала она их вести в одиннадцать лет и закончила в год гибели мужа. Еще в шкатулке лежала газетная вырезка, в которой сообщалось о смерти Германа Гостищева и о том, что его жену Марфу подозревают в отравлении супруга.

Может, Есия разбирала бы старые, выцветшие от времени записи и дальше, так увлекательно это было. Но день стремительно катился к концу, и света, падающего через маленькое чердачное окно, катастрофически не хватало. Она захлопнула крышку шкатулки, чихнула от

поднявшейся пыли и направилась к выходу. Темнело стремительно. Лестница уже тонула в сумраке, и идти по старым скрипучим ступеням было страшновато. Есия одной рукой судорожно прижимала к груди шкатулку, другой крепко держалась за перила. Ступени же так скрипели и гнулись, что казалось, вот-вот рухнут.

– Господи, да тут все нужно менять, – в сердцах произнесла Есия. – Вот весной и начну. Хотя нет, лучше летом или осенью. Раньше все равно денег на оплату рабочих не соберу.

Наскоро собрав вещи, Есия села за руль своего автомобиля и понеслась домой. Войдя в свою городскую квартиру, она первым делом погладила черного пушистого кота, потом разулась и прошла в комнату. Там поставила шкатулку на книжную полку и, полюбовавшись ею, пошла раздеваться.

Глава 1

Есия

«У входа в подъезд жилого дома на асфальте лежит труп мужчины, голова которого обращена в противоположную от дверей сторону и неестественно вывернута. В районе затылка на асфальте имеется засохшее пятно темно-бурого цвета, похожее на кровь. Диаметр пятна – двадцать сантиметров, вероятнее всего, оно образовано кровью, вытекшей из разможенной раны на голове.

Труп лежит на животе, правая щека лица прижата к асфальту, левая обращена вверх. Руки согнуты в локтевых суставах; пальцы кисти правой руки сжаты в кулак, пальцы левой руки разжаты, кисть левой руки находится на расстоянии двадцати сантиметров ниже подбородка.

Обстановка и труп фотографировались от двери, места фотосъемок отмечены на схеме. Труп фотографировался сверху методом линейной панорамы.

На трупе надеты: куртка синего цвета, джинсы, ботинки. На видимых обнаженных частях тела: лице, шее и кистях рук ссадины и пятна сине-бурого цвета.

Мужчина правильного телосложения, удовлетворительного питания, на вид 30–35 лет. Длина тела – 179 см. Общий цвет кожных покровов бледно-серый.

При осмотре тела после снятия верхней одежды установлены множественные ссадины и гематомы, переломы костей всех конечностей, а также три сломанных ребра и перебитая правая ключица. Предположительно смерть наступила в результате перелома основания свода черепа».

Есия отложила в сторону протокол осмотра трупа и взяла чистый лист бумаги. Парень был убит перед собственным подъездом около двенадцати часов ночи. Били жесточно, так, что переломать успели почти все. Скрылись с места преступления, только когда поняли, что жертва не подает признаков жизни.

Раздумывая над обстоятельствами нового дела, Есия машинально чертила ручкой замысловатые линии и петли. Заштриховывая в произвольном порядке и дорисовывая детали, она спохватилась, только когда на рисунке явственно проступил верблюд, жующий жвачку, и пальма с повисшей на ней обезьянкой.

– Визуализация подсознательного в графических символах, – заглянул ей через плечо Руслан, сосед по кабинету. – Вот интересно, кто из нас верблюд, а кто пальма?

– Ты очень деликатен, Русланчик. Спасибо, что не спросил, кто из нас обезьяна.

Руслан коротко хохотнул и громко отхлебнул из чашки горячий чай.

– Да я просто знаю, кто обезьяна: Игорек Пьявченко. Сейчас ему как раз время у нас здесь появиться. Даже, я бы сказал, он изрядно задерживается: обычно уже в это время возле тебя сидит, песни влюбленного глухаря поет. Вот скажи мне, Гостищева, как такие красотки, как ты, умудряются за таких уродов, как Пьявченко, выходить?

Есия поморщилась и, скомкав лист, выкинула его в корзину.

– Закон сохранения кармы: положительное притягивается к отрицательному. Итак, исходя из твоей логики, верблюд таки ты. А мне достается роль дерева. Пардон, пальмы.

– Глупость это, а не закон. Иначе бы вы не развелись. Насчет верблюда – не факт. Обезьяна – она изобретательная. Недавно Пьявченко меня так уболтал, что я ему компьютер полдня по доброй воле настраивал. А надо было всего лишь сразу послать его... э-э-э... – Он запнулся, подбирая слово. – В общем, к сисадмину. Пусть бы ему мозги на кисель убивал.

– Русланчик, хороший ты парень. Интересный, высокий, стройный. Вон волос какой красивый: платинового оттенка, да еще и вьется. Любая девчонка обзавидуется. В модельное агентство не предлагали работать пойти?

– Предлагали.

– А чего не пошел?

– Не хочу.

– А не женишься чего? Двадцать пять лет уже.

– Понимаешь, Еся, мы ж с тобой близнецы-братья...

– Я на брата не тяну.

– Не важно. Я в эмоциональном плане имею в виду. Так вот, мы психологически похожи, и даже дни рождения у нас, если помнишь, рядом стоят.

– Ага, один день разницы всего, правда, годы разные.

– Молодец, знаешь. Выходит, если я женюсь, то обязательно влипну в женский вариант Игоря Пьявченко. А оно мне надо?

– Молодой ты просто еще. Вот ерунду и болтаешь. – Она вздохнула и вынула из ящика письменного стола новый лист. – Вовсе не обязательно тебе так попадать, тем более что ты мужчина, а я женщина. У нас цели и задачи в жизни разные.

– Да ладно тебе. Сейчас все усреднилось: женщины пашут на работе, мужчины с детьми дома сидят.

– Это да. У меня у троих знакомых мужья не работают и детьми занимаются, тогда как жены вкалывают за двоих.

– Серьезно?

– Ага. Ой, нет, вру. У двоих. В третьей семье муж просто дома сидит, а ребенком жена после работы занимается.

– Застрелиться. – У Руслана вытянулось лицо. – Он еще и налево ходит, наверное? Иначе от безделья свихнуться можно, дома-то сидючи день за днем.

– Не знаю, не задумывалась. Но во всех этих семьях все своим положением довольны. То есть каждый сам для своей жизни злобный папа Карло.

– Почему?

– Что выстреливают, то и получают.

– Это да. Согласен.

Еся написала сверху заголовок и подчеркнула его двойной линией.

Основные мотивы (версии) убийства:

1. Ограбление.

2. Профессиональная деятельность.

3. Личная неприязнь кого-либо из нападавших.

4. Хулиганские побуждения.

И тут в кабинет вошел Игорь Пьявченко.

– Здравствуй, зайка, – громко произнес он и довольно ухмыльнулся.

– О, легок на помине. Помяни черта – он и появится, – ехидно прокомментировал приход Пьявченко Руслан.

– Не называй меня зайкой. Я, кажется, уже не раз тебе говорила.

– Я ж любя, рыба моя. – Пьявченко присел рядом с Есией и фамильярно осклабился.

– Игорь, давай не будем повторяться. Меня раздражает такое обращение.

– Ладно, ладно, – миролюбиво согласился он, по-хозяйски положив руку на спинку ее стула. – Больше не буду.

– Игорь, руку убери, – сказала Есия и отстранилась. – Нас могут неправильно понять.

– А я ничего не боюсь. – Он нагло ухмыльнулся и подмигнул ей.

– Твои проблемы, Игорь. Мне демонстрация отношений, которых нет и не будет, абсолютно не нужна.

– Еся, сколько можно дуться, – обиженно протянул Пьявченко, но руку все же убрал.

– Вот и молодец. А по поводу «сколько» – я думаю, ты это не всерьез. Я на тебя не дуюсь, Игорь. Просто было и прошло. Обратно не вернешь.

Руслан, которому изрядно надоели присутствие Пьявченко и необходимость слышать его голос, решил вмешаться в разговор:

– Кстати, Есия, по делу, которое ты сейчас ведешь, уже запись камеры видеонаблюдения есть.

Есия благодарно посмотрела на него и моментально включилась в игру:

– Очень хорошо, сейчас гляну. Откуда, говоришь, потерпевший возвращался?

– Предположительно от друга. Но это еще не точно, информацию надо проверять.

– С женой, я так понимаю, разговаривали уже?

– Да. Говорят, окаменела и молчит. Никому ничего толком добиться от нее не удалось.

– Ладно. Сама сегодня съезжу к ней.

Пьявченко поскуჩнел.

– Есь, – он накрыл своей ладонью руку бывшей жены, – давай поговорим, а? Ну я очень прошу. Сегодня вечером, после работы. Где хочешь: в «Эсквайре» или в «Печках-лавочках»?

«Эсквайр» – довольно дорогой ресторан, при котором есть бар, тоже недешевый. «Печки-лавочки» – сеть типичных фаст-фудовских забегаловок, больших, шумных и не слишком подходящих для интимного разговора. Но бывший муж всегда отличался прижизненностью и по логике вещей должен был пригласить Есию именно в «Печки-лавочки». И вдруг такой пассаж!

Есия так удивилась переменам в «финансовой политике» бывшего супруга, что растерянно кивнула:

– Да, «Эсквайр» – хороший ресторан.

– Вот и отлично, – повеселел Пьявченко, – тогда я за тобой примерно в половине шестого забегу и пойдем туда вместе.

– Не надо. Меня не будет, я сейчас ухажу, – испугалась Есия. Перспектива провести вечер с надоевшим до оскомины бывшим мужем показалась Есии чудовищной.

– Тогда в «Эсквайре» в шесть.

– Я не успею.

– Не переживай, я подожду, – и он на прощание счастливо и открыто улыбнулся.

– Ну и что это было? – спросил Руслан, едва за Пьявченко закрылась дверь. – Ты зачем согласилась?

– Ты же слышал, все случайно вышло.

– Так надо было ему это объяснить, а не подробности встречи обсуждать.

Есии стало стыдно. Но вместо того чтобы признать ошибку, она начала искать оправдания себе.

– Может, он не такой уж и плохой, – смущенно пробормотала она. – Просто это я неудачница. Не умею строить нормальные отношения с мужчинами. Даже мама так все время говорит.

– О, ну понеслась. Сеанс самобичевания и публичного побивания себя камнями. Это, пожалуйста, без меня. – Руслан встал и вышел, раздраженно хлопнув дверью.

Недавно Руслан в порыве откровенности высказался, что, мол, он и Есия очень схожи. Есия не стала возражать, хотя на самом деле так не считала. То есть общие черты, безусловно, имеются, к примеру, романтичность и влюбчивость. Но на том сходство заканчивается. Руслан более резок, как истинный мужчина дерзок, неуступчив и органически не переносит тех, кто пытается сесть ему на шею. Есия же предпочитала сглаживать острые углы и вечно попадала в дурацкие ситуации, оказываясь или в роли тягловой лошади, которую забывают кормить, но исправно возят на ней грузы, или в роли ишака, который не в курсе, куда и кого везет.

Что скажет Руслан, когда вернется, Есия прекрасно знала: потребует, чтобы она позвонила Пьявченко и отказалась от свидания. Но откровенно подчиняться ему категорически не хотелось. Еще возмнит о себе бог весть что.

Есия наскоро собралась и вылетела на улицу. К счастью, по дороге удалось избежать встречи с Русланом, а не то скептический взгляд и острое словцо были бы ей обеспечены.

Все мы время от времени совершаем ошибки. Но если это не спонтанный «пролет», то гораздо приятнее ответственность за него с кем-нибудь разделить. Единственный человек, способный оценить авантюризм предстоящего Есии свидания, – подруга Софья, которая настаивала, чтобы ее называли Зосей. Именно ей и позвонила Есия.

– Зося, представляешь, Пьявченко пошел в атаку, – без предисловий начала она.

– В каком смысле?

– Он меня сегодня пригласил в ресторан, а я растерялась.

– Отказала, что ли?

– В том-то и дело, что согласилась. Но чисто от испуга: совсем от него не ожидала такого.

– Ты ж его, кажется, терпеть не можешь? – повеселела Софья, предвкушая традиционное женское развлечение под кодовым названием «помощь подруге с разбитым сердцем». – Зачем тогда согласие на встречу дала?

Софья – миниатюрная брюнетка с большими карими глазами. Ее миловидное лицо обрамляют мягкие крупные завитки волос, смешно подпрыгивающие при каждом шаге. Софья порывиста и эксцентрична, увлекается эзотерикой, магией и прочими несерьезными науками. Когда-то собиралась заняться всем этим всерьез и даже купила диплом, удостоверяющий, что она – потомственная ведьма. Но в полном соответствии со своей натурой, быстро загорающейся и быстро гаснущей, очень скоро ко всему охладела. Диплом закинула на антресоли, лекции с курсов по эзотерике – в кладовку, а гадала теперь только себе и только в Крещение. Да и то, скорее, для баловства, потому что считала: самой себе нагадать правильно невозможно. Порой Есия завидовала неиссякаемой энергии подруги и неистощимому оптимизму.

Но не зря говорят – нет в мире совершенства: если Зося впадала в черную меланхолию, то погружалась на самое ее дно. Мало того, Софья считала, что если ей плохо, то все вокруг тоже должны непременно страдать. К счастью, такие приступы случались нечасто.

– Не знаю. Говорю же, растерялась. Если честно, мне совершенно не хочется туда идти, но не знаю, как отказаться.

Зося задумалась, сосредоточенно посопела. После довольно продолжительного молчания она обрадованно воскликнула:

– Слушай, мать, а почему бы тебе и не сходить с ним в ресторан?

– Зось, ты заболела? – оторопела Есия.

– Нет, вот ты послушай. В мире ничего не происходит случайно, так? Если ты согласилась, значит, это должно было произойти! И тогда почему бы тебе не пойти с Игорем в ресторан и не послушать, что он скажет?

- Да, но не хочется. То есть мне не очень интересно, что он скажет.
- Вот нельзя так! Надо быть добрее к людям. А вдруг он одумался? Вдруг так изменился, что поразит тебя до глубины твоей души?
- Что-то не похоже, – с сомнением сказала Есия. – Мне кажется, это уж я бы смогла заметить и без ресторана.
- Софья опять посопела в трубку, раздумывая, а потом озабоченно спросила:
 - А куда конкретно он тебя пригласил, в какой ресторан?
 - В «Эсквайр».
 - Вот!!! Я же говорю – он изменился! Да прежний Игореша удавился бы, а в дорогой ресторан тебя не пригласил. Надо идти, Еська. Не пойдешь – потом будешь сомнениями мучиться, вдруг нормального мужика проглядела.
 - Я на него уже глядела. Именно это и внушает мне серьезные опасения.
 - Лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном, – уверенно заявила Зося.
 - Ладно, уговорила. Пойду.
 - Только, чур, потом мне подробенько все расскажешь, как у вас вышло. Да, и если на второе свидание будете договариваться, не забудь про подругу.
 - Это про тебя, что ли? – развеселилась Есия.
 - Естественно. Сколько мне в девках сидеть? У тебя вон хоть Андрюшка есть.
 - Если честно, я сильно сомневаюсь, что второе свидание будет. Разве только ради тебя.
 - Вот и умница. И помни, я тебя жду. С рассказом! – Софья, не прощаясь, отключилась. Есия сунула телефон в карман и поспешила к месту преступления.

С Игорем Пьявченко Есия прожила в браке почти два года. Главной причиной разрыва стали его патологическая жадность и редкостное занудство. Если он находил пятно от чашки на журнальном столике, мог два часа подряд выяснять, кто это сделал. Чаще всего доставалось Андрюше – сыну Есии. Игоря не смущал младенческий возраст ребенка, и он частенько доводил мальчишку придирадками до слез: то игрушки разбросал, то карандаши.

Есия сначала пыталась Игорю объяснять, в чем он не прав и как нужно разговаривать с ребенком, если хочешь добиться послушания, а потом терпение лопнуло и она выставила Игоря вон. Теперь уже полгода жила одна и абсолютно от этого не страдала. Разве что чуть-чуть: иногда охватывала такая тоска одиночества, что хотелось быть. В такие минуты Есии казалось, что никогда ничего путного в ее жизни уже не случится и свой век она будет доживать одна.

Два месяца назад в Следственном управлении административного округа, где работала Есия вот уже пять лет, появился Пьявченко. Это стало неприятным сюрпризом: они сталкивались теперь на работе ежедневно. Есия сначала злилась, даже подумывала сменить работу, но потом здравый смысл перевесил.

В какой-то степени на ее решение повлиял Руслан.

– Мужья приходят и уходят, – сказал он, – а работа остается.

Есия подумала и осталась.

* * *

С самого начала работы следователем Есия Павловна, или попросту Еся, как часто ее называли коллеги из-за возраста, предпочитала все делать сама. Сама осматривала место происшествия, устанавливала очевидцев преступления, искала улики, отрабатывала версии и анализировала оперативную информацию. Разумеется, до ее приезда там уже успевала поработать оперативная группа, но Есии непременно нужно было все «пощупать» и осмотреть самой. Иначе не могла.

Не получалось у нее заниматься только бумажной работой, обязательно нужно было общение с людьми. И еще Есия предпочитала побыть на месте преступления одна: тогда она подключалась к энергетике жертвы. Видела последние минуты, смутно слышала слова. Иногда прочувствовать чужую жизнь и смерть не получалось по непонятным для Есии причинам. Но и когда «приход» происходил, в расследовании это мало помогало. Можно было двигаться в правильном направлении, но чтобы арестовать человека, нужны более весомые причины, чем ощущения и видения.

Но после того как едва не выбросилась из окна, слишком сильно войдя в эмоции самоубийцы, Есия прекратила эксперименты. Слишком болезненно было окунуться с головой в чужие боль и страх, ощущать растерянность жертвы и даже слышать запахи и крики.

Однажды, когда Есия пожаловалась на видения кровавых жертв преступлений Софье, та мрачно выдала:

– Я как человек, повидавший близко смерть и оттого начисто лишенный каких-либо иллюзий, тебе верю. Но все-таки попей на всякий случай хорошее успокоительное. Могу даже рецепт дать, где-то у меня записано, – она начала рыться в сумке в поисках блокнота.

– Зачем? – удивилась Есия. – Я совершенно спокойна.

– Затем, что если дашь слабину, эти гребаные видения захватят тебя всю. И ты будешь видеть и слышать то, чего никогда бы не видела и не слышала в своем обычном состоянии, и главное – чего бы никогда не хотела видеть. Это прямой путь в дурку, дорогая.

– Не преувеличивай. – Есия скептически хмыкнула.

– Между прочим, я не шучу!

– Хорошо, допустим. Но тебе-то откуда знать, как это бывает? Ты же в дурдом не попадала.

Софья вздохнула.

– Чего я только во время ночных бдений не повидала, когда мама в больнице была. Представляешь, даже суеверной после этого стала. Однажды явно видела высокого худого человека в длинном черном плаще с капюшоном. Идет он по коридору, а плащ вокруг его тощей фигуры колыхнется, колыхнется... Я чуть от страха сигаретой не подавилась: ночь, все спят, а этот идет непонятно откуда и куда. – Она нашарила в сумке зажигалку и прикурила.

– Зося, – с укором сказала, покачав головой Есия, – ты же собиралась бросить курить.

– Бросишь тут. При моей жизни на что б другое не подсесть: так иногда надраться хочется.

– Опять ничего не покупают? – сочувственно спросила Есия.

– Покупают. Но мало. Если так дальше дело пойдет, придется устроиться в музыкальную школу деткам сольфеджио преподавать.

– А что, тоже вариант.

– Издеваешься, да? С моей нервной системой только детей учить. Да, так слушай же, я до конца еще не рассказала. Итак, стою я в больнице на лестничной площадке, курю в форточку. А напротив – стеклянная дверь в хирургическое отделение. И вижу я, как по коридору высокий мужчина в длинном черном плаще идет. То есть это я подумала, что мужчина, ведь такую женщину еще поискать: слишком длинна. Хотя всякое бывает: вон Верка из соседнего подъезда метр девяносто вымахала. Неуютно мне как-то стало, и мысли нехорошие в голову полезли... Откуда, думаю, так поздно посторонний в отделении?

– А по времени сколько тогда было?

– Да за полночь уже. Больницу-то еще вечером от посетителей закрывают, и охрана внизу сидит. Мышь не проскочит. А тут мало того что посторонний, так еще и без халата. Ну, думаю, явно кто-то через окно в здание проник. Кошмар. А я перед этим едва ли не сутки около матери просидела, боялась оставить ее хоть на минуту. Голова кружится, курить хочется так, что уши пухнут. Поесть толком и то некогда было. А тут матери вдруг легчало,

температура упала, я и выскочила сигаретой оживиться. И вот стою, за странным гостем наблюдаю и думаю, что дальше делать. Вдруг вижу – он так привычно в палату соседнюю свернул вроде как к себе домой. Я и успокоилась. Подумала, просто пропустила момент, когда новый человек в отделении появился. Но оттуда вдруг жуткий шум, гам. В общем, женщина в той палате померла – сердце внезапно остановилось. Вроде бы уже на поправку шла, и с сердцем до этого проблем не было, а вот поди ж ты.

– А этот в черном плаще – он кто был?

– Так не оказалось его в палате-то! Причем никто, кроме меня, не видел его. Вот и думай после этого что хочешь.

– Жуть. Слушай, а может, он эту женщину отравил? А потом удрал, – предположила Есия.

Софья неодобрительно покосилась на подругу.

– Знаешь что, Гостищева, тебя все-таки лечить нужно. От профессиональной перверсии. Это ж надо – везде преступники мерещатся! Никто эту женщину не травил, и удрать оттуда невозможно: пятый этаж. Кстати, я потом у соседок спрашивала: они никого не видели. Просто женщина вдруг побелела, захрипела и за сердце схватилась. Все очень быстро произошло, даже врач не успела прибежать, как пациентка скончалась. Вот так-то. Я после этого в церковь пошла и покрестилась. Теперь регулярно туда хожу, свечки за здоровье ставлю. И тебе советую, – угрожающе надвинулась она на Есию. – А то свихнешься на своей работе, разыскивая убийц да всяких маньяков.

У дома номер пять по улице Каркасной Есия остановилась и внимательно огляделась. Типичный городской дворик, заставленный автомобилями и засаженный редкими деревьями и кустарником. Детская площадка в левом углу двора, и выкрашенные зеленой краской лавочки вокруг. Судя по веселеньким занавескам и открытым тут и там форточкам, дом плотно заселен и хорошо обжит. Однако в деле указано, что свидетелей преступления практически не нашлось. Отчасти это можно объяснить тем, что убийство произошло около полуночи и многие жители к тому моменту уже спали.

Но Есия часто сталкивалась с тем, что люди предпочитали банально молчать. Действительно, к чему обывателю лишние хлопоты?! Рассказывай, чего и когда видел, потом протоколы подписывай да на судебные заседания ходи. Тоска зеленая. А если буркнуть: «Ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знаю», то и все проблемы отомрут сами собой.

Есию такое отношение жутко бесило, и порой ей хотелось высказать вслух все, что она об этом думает. Но сдерживалась, зная, что делу это не поможет, а вред, без сомнения, нанесет. Обиженный обыватель станет в позу, и тогда от него добром точно ничего не добьешься.

К счастью, не все люди такие, и в нынешнем случае одна свидетельница все-таки нашлась. Бабушка «божий одуванчик», Лидия Яковлевна, из квартиры на первом этаже с окнами, выходящими во двор, почему-то не спала в полдвенадцатого ночи и смотрела в окно.

Есия вошла в подъезд, бегло окинула взглядом светло-зеленые стены и белый квадрат картона на двери лифта с неровно выведенной надписью «Не работает!» и позвонила в ближнюю дверь.

– Здравствуйте, Лидия Яковлевна! – прокричала Есия. – Мне нужно с вами поговорить, я из следственного комитета. Меня зовут Гостищева Есия Павловна.

Дверь неожиданно приоткрылась, и в щели оживленно блеснули моложавые не по возрасту глаза.

– Как, как вас зовут? Повторите ваше имя, пожалуйста, я вас плохо расслышала, – попросила старушка.

Есия вздохнула. Вот так всегда. В принципе ей свое имя нравилось. Но сколько же с ним проблем! Каждый раз, когда она представлялась, ее непременно переспрашивали:

«Повторите, как-как вас зовут? А что это за имя, иностранное, наверное?» Или же: «Ага, это, наверное, сокращенная форма имени. А полное как звучит?»

Приходилось объяснять, что имя православное, взято из святцев, и родилась она аккурат двадцатого июня, в день святых Сосаны и Есии. Но и после этого ей чаще всего не верили и умудрялись отчаянно спорить, доказывая, что такого имени в святцах нет.

– Меня зовут Е-си-я, – четко по слогам произнесла она, и, к ее удивлению, дверь тут же распахнулась.

– Есичка, боже мой! Как хорошо вас называли, это же такое красивое имя! Я не ослышалась, вас Есией зовут? Мою бабушку так звали, царствие ей небесное. – Глаза женщины влажно заблестели, и она перекрестилась. – Просила я, просила своих детей, чтобы в честь бабушки дочек называли, да без толку все. Уперлись и ни в какую! Дочка с зятем Камиллой ребенка нарекли, вроде как обезьянку цирковую. Тьфу, прости, господи, мою душу грешную. А сын с невесткой еще больше учудили, Консуэллой называли. Это все невестка виновата, она имя такое придумала. Тоже мне, Жорж Санд нашлась.

– Не расстраивайтесь, Лидия Яковлевна. Все же это довольно симпатичные имена, хотя и весьма редкие. Зато никого в классе с такими именами не будет, разве плохо?

– Это уж точно, мало кому придет в голову свою кровиночку так не по-людски обзывать. – Старушка обиженно засопела.

– Но имя-то и поменять можно. Вот девочки вырастут, повзрослеют и прислушаются к вашему мнению. Возьмут другие имена.

– Возьмут они, как же, – недовольно проворчала старушка. – Еще и рады будут, что их так необычно зовут. А вы чего заглянули ко мне, дело какое или просто так?

– Я к вам вот по какому вопросу. У вас во дворе недавно убили парня, Олега Крайнева. Он проживал в вашем же доме и в этом подъезде, а вы стали свидетелем преступления. Не могли бы вы мне помочь и еще раз рассказать все подробно: что тогда видели и, может быть, слышали? А также ответить на некоторые вопросы.

– Конечно, я могу. – Старушка распахнула Есии дверь. – Отчего же и не помочь, мне Олежка очень нравился, хороший такой парень был, веселый. Балагурил всегда, когда мы где-нибудь сталкивались с ним.

Есия вошла в старомодную прихожую и огляделась. Деревянные самодельные полки до самого потолка, заставленные книгами, старыми обувными коробками и всяким хламом. Часы-ходики с облупившимся лаком на стене, половичок из рогожки у порога и писающий мальчик на двери туалета.

Обувь спрятана, детских вещичек не видно, мужских – тоже. Вероятно, Лидия Яковлевна живет одна и давно. Обычно пенсионерки, живущие одиноко, любили поить Есию чаем и угощать домашними печеньем и пирожками. Лидия Яковлевна не стала исключением.

– Проходи на кухню, деточка, – сказала она, открыла дверь в уютную кухоньку, украшенную вязаными салфеточками.

Поставив на плиту чайник, бабуля присела рядом с Есией за стол и начала рассказ:

– Я их сразу заметила. Они еще около одиннадцати часов вечера появились. Встали у подъезда, закурили, словно кого-то поджидают.

– Почему вы решили, что они кого-то ждали?

– Так видно же. Всматриваются вдаль, на проходящих оглядываются. Не разговаривают друг с другом. И курят, курят-то одну за другой! Я жуть как не люблю курильщиков: намусорят так, что ходить потом противно. У нас люди в подъезде приличные, никогда мимо урны окурков не бросят. А залетные, бывает, пакостят. Я хотела вмешаться, а потом слышу, по телевизору «Вечерний Ургант» начинается. Люблю Ваню, пошла на него смотреть. А когда передача закончилась, я телевизор-то выключила и на кухню пошла. А они все еще стоят! Удивилась, конечно. Все-таки мороз градусов двенадцать, долго на улице не прстоишь. Ну

и они, видно, замерзли. Переминаются, себя по бокам руками хлопают. Уже вроде бы повернулись уходить, как тут Олежка Крайнев появился. Идет быстро, под ноги себе смотрит. Руки в карманах, капюшон на голову накинута. Мимо мужиков тех прошел, даже не глянул в их сторону. А они сразу повернули за ним. Я сначала подумала, Олег их просто не увидел. Мой покойный муж по молодости часто друзей домой приводил. У нас тогда уже своя квартира была, мы жили – отдельно от родителей. А у многих наших друзей не то что жилья, угла своего толком не было. Вот ребята соберутся группой и давай моего Тихона уговаривать, мол, пусти у тебя за столом посидеть, не на улице же пить. Ну, мой и ведется на их уговоры. Я сначала злилась, пыталась не пускать. А потом смирилась. Пусть уж лучше дома пьют, чем потом мужика своего по подворотням искать.

– Муж сильно пил?

– Нет, не очень. Но из протеста да мне в отместку запросто мог бог знает где полночи проторчать. Так что я дружков его в дом потом пускать стала. Но до конца так и не смирилась. Научила себя просто меньше внимания на все это обращать, дескать: пришли, посидели, ушли. Так вот, с Олежкой и теми парнями у меня почему-то такая же ассоциация возникла. Подумала, они его догнали, чтоб в гости набиться. От окна отошла, противно чего-то стало. А потом опять глянула – а они бьют его! Я хотела раму открыть да покричать им, но не успела. Пока возилась, они убежали.

– Сколько времени, по-вашему, прошло с того момента, как вы снова посмотрели в окно?

Старушка задумалась.

– Минуты три, наверное. Или пять. Не могу точно сказать, мне сейчас стало трудно ориентироваться во времени. Но я успела кастрюлю из-под гороха помыть, сковородку и две тарелки. Ну а на душе-то беспокойно, дай, думаю, с Олежкой поговорю. Зачем ему такие дружки? Пошла к двери, вышла в подъезд, а мне навстречу сосед идет, Степанов Гена. Посмотрел на меня как-то странно, а потом тихо так и говорит: «Олега убили». У меня и обмерло все внутри.

– Описать нападавших сможете?

– Нет, что ты, деточка! Я ж их только из окна, да и то в темноте видала. Куда мне. Вот только рост могу назвать. Среднего роста двое из них, один коренастый, второй щуплый. А один высокий и крепкий, такой, как шкаф.

– Что они делали, когда возле подъезда стояли?

– Да леший их знает. Одно время курили, видала. На месте топтались, чай, не май месяц, зима на дворе. Позамерзали.

– В руках было что-нибудь у них?

Бабуля задумалась ненадолго, потом сокрушенно покачала головой.

– Не помню я. Кажется, у двоих ничего не было. А у третьего что-то такое было в руках.

– Что именно? Палка, бита, дубина?

– А что такое бита, напомни мне, деточка.

Еся достала мобильный телефон и нашла в Интернете картинку биты.

– Вот, смотрите.

– Да, похоже... Но точно не скажу: бог их знает, что там у них в руках было, – с сомнением покачала головой Лидия Яковлевна. – Может, и биты... а может, и палки... А может, и еще что... Вон у соседа монтировкой заднее стекло автомобиля разбили едва ли не на глазах у него. А за что? Да за то, что машина не так стояла. Совсем люди озверели: как что не по ним, так и давай кулаками махать. Хотя и сосед хорош. Уж сколько раз я его предупреждала: Коля, не ставь так машину, мешаешь всем! Как загородит тротуар – ни пройти, ни проехать.

Чайник закипел, и Лидия Яковлевна вскочила, чтобы снять его с плиты.

– Вам покрепче заварку или послабее? – спросила она, доставая из шкафа белую чашку с сиреневым ободком.

– Покрепче, пожалуйста. А что, монтировкой стекло разбивал кто-то из тех, кто напал на Олега?

– Так я не видала, я же только со слов Николая все знаю. Вот печенье берите, сама пекла.

– Я на диете.

– Творожное. От него не растолстеете. Хотя вы, товарищ следовательно, и так тощая, куда вам еще и на диете сидеть?!

– Спасибо за комплимент, Лидия Яковлевна. Мне бы с вашим Николаем поговорить. Фамилию его подскажите?

– Иванников. На четвертом этаже живет, квартира точно как у меня расположена.

Есия взяла печенье и, откусив, пожалела об этом. Корицы Лидия Яковлевна не пожалела, но именно корицу в выпечке Есия не любила больше всего. Другое дело с птицей: там корица придавала мясу пикантность.

– Лидия Яковлевна, может быть, вы слышали разговоры какие-нибудь? К примеру, должен был кому-то Олег Крайнев или обидел сильно кого?

– Ничего такого не знаю. Парень как парень.

– А как можете охарактеризовать Олега, каким он человеком был?

– Всегда здоровался. Улыбался. Никогда мрачный не пройдет. И я ему в ответ тоже всегда улыбалась. А больше-то я о нем и не знаю ничего.

– Жил Олег с кем?

– С женой. У них двухкомнатная квартира.

– Своя или снимают?

– Своя. Бабушка Лены, жены Олега, все внучке оставила. Тамара Макаровна, царствие ей небесное, святая женщина была. – Лидия Яковлевна смахнула с левой щеки слезу. – Дружили мы с ней. Она часто ко мне в гости заходила да успехами детей хвасталась. Хорошая семья у нее была. Старшая дочка отличное образование получила, замуж за дипломата вышла. И младшей, Лене, тоже прочили хорошую карьеру, девочка способная была. В институт поступила играючи, а потом вдруг взяла да и бросила учебу. И за Олега замуж вышла.

– Не нравился он родне жены?

– Недолюбливали они его. Если бы не Тамара Макаровна, им бы долго еще на квартиру копить пришлось. Месяца за два до смерти Тамарочка квартиру на Леночку переписала и к себе молодых жить взяла.

– Давно умерла ваша соседка?

– Года два назад, в июле. Да, точно, тогда еще жуткая жара была и леса горели. Тамары когда не стало, все очень переживали. Лена плакала и говорила, что с похоронами нужно поторопиться, потому что невозможно по такой жаре долго в квартире тело держать. Запах, дескать, пойдет. И вот представляете, только Леночка с Олегом забрали тело Макаровны из морга, как сразу полил сильный дождь и резко похолодало...

– Не знаете, Лена Крайнева сейчас дома? У вас лифт не работает, а подниматься на десятый этаж пешком очень не хочется.

– Дома она, дома. Видела я, как Лена из магазина шла, из «Пятерочки», что рядом. – Она на мгновение задумалась, а потом с сомнением произнесла: – Может, и выходила потом куда из дому, да я не заметила...

– Спасибо, Лидия Яковлевна. Если позволите, я к вам еще попозже зайду. Возможно, возникнут вопросы. Вот моя визитка. Пожалуйста, если что-то вспомните, позвоните мне.

– Конечно, дочка, – радостно закивала старушка, – обязательно приходи. Я всегда буду рада.

Есия вышла в подъезд и посмотрела на часы. Если долго не засиживаться у Елены Крайневой, можно успеть опросить молодую вдову до обеденного перерыва. Чай, которым ее угощала Лидия Яковлевна, оказался до невозможности жидким.

Глава 2

Герман

Сознание возвращалось медленно. Назойливый голос что-то твердил и твердил, а Герман слушал и не слышал, досадливо ожидая, когда же голос заткнется. Он ощущал себя школяром на уроке богословия, где священник нудно вещает прописные истины. Уж много лет как гимназию окончил, а все иногда дрожь пробирает. На этой мысли Герман погрузился в глухую темноту, а когда снова очнулся, показалось, что прошла вечность, но голос по-прежнему что-то бубнил. Сосредоточиться не получалось. Почему-то сегодня Герману все давалось с трудом. Вот раньше, к примеру, чутье не подводило: Герман всегда точно знал, сколько натикало времени. Помнится, в гимназии первым на перемену выскакивал. А почему? Да потому что успевал чернильницу, пенал и тетрадки заранее в ранец сложить. И ведь ни разу не поймали! Лишь однажды преподаватель словесности открыл было рот, чтоб отчитать Германа за поспешность, да тут же звонок с урока и прозвенел.

Но сейчас Герман мучительно пытался понять, сколько прошло времени, и не мог. Время вело себя странно: то несло вскачь, то плелось как черепаха. Герман не успевал следить за ним и совсем запутался – день прошел или вечность.

Когда же началась эта чепуха? Точно, аккуратно после того, как медовухи испил. Стало плохо, тело задеревенело. А сейчас вроде бы ничего, отошло.

Мерно тикали ходики, баюкая и умиротворяя. Кажется, где-то текла вода и хлопала плохо прикрытая оконная рама. Герман раздраженно поморщился. Горничная Груня опять окно не закрыла, сколько уж ей говорил, чтобы аккуратней была.

Он открыл глаза и обмер от страха: прямо перед носом его были белые, плотно пригнанные друг к другу доски.

«Неужели гроб?» – мелькнула паническая мысль.

Герман торопливо повернул голову набок и облегченно выдохнул. На щербатом, давно не крашенном полу, обильно усыпанном крошками, лежал огрызок яблока с жирным тараканом на нем. Таракан шевелил усами и таранился на Германа.

«Совсем Марфа сбрендилa. Мало того что грязь развела, так еще и в какую-то щель меня заткнула. И как только сумела?!»

Взгляд Германа скользнул дальше по полу и стенам, и недоумение охватило его. Комната явно не та!

Справа от окна висели странно тонкие, словно сделанные из картона, ходики без гирь и методично пощелкивали. Рядом с ними – картина в узкой деревянной рамке. Плоские и рыхлые, как блины, часы висели на чем ни попадя, грозя свалиться. Один из «блинов» неаппетитно раскорячился на какой-то штуковине, похожей на гибрид осла с седлом, второй пытался «стечь» с камня, а третий вообще болтался на ветке дерева, видно, дожидаясь вороны, которая бы его склевала...

«Дурацкая картинка, – решил Герман. – Не могут часы так висеть, это противостоительно. Или это что ж, художник время так изобразил? Не бывает, чтоб время текло куда ни попадя. На то оно и время, чтоб идти только вперед».

– Ошибаешься, – бесплотно шепнул кто-то рядом, и Герман вздрогнул.

Скрипнула дверь, раздалось старческое шарканье и, очертя круг, замерло рядом с Германом. Он увидел потертые тапки, по которым явно плакала помойка, и усатую морду черного кота рядом. Кот, не мигая, смотрел на Германа, и шерсть у него на загривке медленно вставала.

– Киса, киса, ты что? Кого испугался? – продребезжал старческий голосок, и вниз опустилась сморщенная рука.

От прикосновения кот вздрогнул и зашипел.

– Пшел вон! – обиженно буркнул Герман и потянулся, чтобы треснуть кота по уху.

Но то, что он увидел в следующее мгновение, повергло его в шок. Его руки, его холерные аристократические руки исчезли! Вместо них были мерзкие, покрытые жесткой серо-зеленой шерстью лапы. В ужасе Герман схватился за лицо и, ощутив под пальцами грубую шерсть, дико и иступленно заорал.

– К худу или к добру? – вздрогнув, спросила старушка.

– Х-у-у-у-у, – в смертельной тоске выдохнул Герман.

– Свят, свят, свят. Спаси, Господи, от всякого лиха. – Она поплевала через левое плечо и торопливо зашаркала в сторону прихожей. – Внучок, ты чего до сих пор не разделся? Давай скорей, а то запаришься.

Мальчик, худенький и беленький, с огромными синими глазами, стоял, замерев.

– Бабушка Мария, ты слышала? – прошептал он, и глаза его испуганно распахнулись. – Что это было?

– Свят, свят, свят, – опять суетливо перекрестилась Мария Федоровна. – Не волнуйся, милый, домовый это шалит.

– А кто такой домовый?

– Это такое существо, которое охраняет дом. Ничего страшного, милый.

– А где он живет?

– Да где, где... За печкой!

– За электрической? – озабоченно спросил мальчик.

Мария Федоровна на мгновение запнулась, а потом губы ее растянулись в ласковой улыбке.

– Пойдем чай пить, милый. Попробуем пирожочки, я утром испекла, старалась.

– Бабушка, ты не ответила: этот домовый за нашей печкой живет? Я боюсь на кухню идти, вдруг он там.

– Нет там никого, детка, я пошутила. Смотри, и Вантуз спокоен. – Она ласково погладила кота. – Если бы кто здесь был, Вантуз бы непременно дал нам знать. Ты же помнишь, как он не любит чужих?

– Бабушка, но ты же сказала, это домовый выл, – испуганно выдохнул мальчик. – А если он меня укусит?

Бабушка горестно вздохнула.

– Андрюшенька, дорогой мой, домовый – это добрый дух. Он дом охраняет, хозяйское добро бережет и детей не кусает. Никогда.

– Честно-честно?

– Абсолютно.

Мальчик заметно успокоился и повеселел.

– Ладно, тогда пойдем пить чай.

Бабушка облегченно вздохнула.

– Вот дура старая, – пробормотала она, когда правнук отправился в ванную мыть руки, – напугала дитя. И кто за язык тянул? Слава богу, отвертеться удалось. А там, бог даст, и забудет всю эту историю.

Она поставила на плиту чайник и выложила на тарелку несколько пирожков, которые принесла с собой. Посмотрев задумчиво на микроволновку, поставила все-таки пирожки туда и нажала на кнопку. По кухне заструился чудесный уютный аромат.

– Бабушка, – опять шепотом спросил вернувшийся из ванной Андрюша, – а почему домовый раньше молчал, а сегодня зашумел?

– Руки ты свои почему не вытер? Полотенце же на двери висит! – ворчливо отозвалась Мария Федоровна, мысленно ругая себя за излишнюю болтливость.

Андрюша метнулся обратно и, наскоро вытерев руки, прибежал на кухню.

– Бабушка, а почему раньше домового слышно не было?

– Ешь пирожочки, – вздохнула Мария, – чаю вон тебе сладкого налила. А домовый... Сегодня же десятое февраля, день рождения всех домовых. Праздника ему хочется, веселья, а он совсем один. Вот и вздыхает.

– Бедненький... – Глаза у Андрюши наполнились слезами. – А давай его угостим.

– Давай.

Мария положила один пирожок на блюдо и поставила его за плиту. Потом взяла плошку поменьше и налила туда немного молока.

– Кушай, домовый, мы тебя любим, – пробормотал мальчик.

Марии показалось, будто электрическая лампочка странно мигнула. Она озабоченно покосилась на лампу и боязливо поежилась. К старости, каким бы ты ни был раньше материалистом, невольно начинаешь верить в чудеса.

– Ты, Андрюша, на завтра все уроки сделал? Мама ругаться не будет?

– Нам мало задали. Только сказку прочитать и стихотворение наизусть выучить. Ой, я забыл, – он стукнул себя ладошкой по лбу, – нам еще по информатике задание дали.

– Информа-а-атика, – недовольно протянула бабушка Мария. – И кому оно такое надо: в семь лет ребенку голову всякой ерундой забивать. Все куда-то торопятся, боятся не успеть, напихивают в несчастных детей кучу всяких...

Она спохватилась и замолчала. Андрюшка мальчик смывленный и внимательный и ее слова быстренько наматывает себе на ус. А потом попробуй справишься с ним. Упрется и вообще уроки делать не станет.

– Ты стих когда учить собираешься? – Она налила себе чаю и присела рядом с внуком.

– Я уже выучил. На перемене. Бабушка, а почему раньше домового не было слышно? Где он был?

Мария Федоровна побагровела. Но делать нечего, пришлось тему продолжать.

– Да кто ж его знает-то?! Может, ему нечего было сказать, потому и молчал. А может, и не было его вовсе в доме, а только сегодня родился.

– Как это? У новорожденных голосок то-о-ненький, а у него вон какой грубый!

– Ох и поругает меня твоя мама за то, что я с тобой такие беседы веду, – сокрушенно покачала головой Мария Федоровна. – Ну ладно, слушай. В народе всегда считалось, что домовый на свет появляется стариком, а умирает новорожденным младенцем. То есть для него время течет наоборот.

– А почему?

– Да кто ж его знает. Говорят, это вроде наказания грешной душе. Домовой – он кто?

– Кто? – затаив дыхание, эхом повторил мальчик.

– Хозяин Дома. Его задача – гармонию, уют для людей создавать. А если нет домового, жилище в запустение приходит.

– Бабушка, а разве так бывает, чтобы человек в домового превратился?

– Уверена, что нет, – спохватилась бабушка, сообразив, что и так лишнего наболтала ребенку, – и все это сказки. Их в старину люди детям своим рассказывали, вот оттуда те поверья и пошли.

– Бабушка, расскажи сказку про домового! – не унимался ребенок. – Почему человек в него превратился?

Мария вскочила и, повернувшись к внуку спиной, суетливо задвигала посуду по разделочному столу. Собрав миски в стопку, убрала их в шкаф. Потом налила в кастрюлю воды, поставила на плиту и кинула вариться кусок курицы. И тут Андрюша плаксиво затянул:

– Ба-а-бушка, ну расскажи! Ну пожалуйста, мама не узнает, честно-честно!

– Ну ладно, – тяжело вздохнула Мария Федоровна. – Только сказок я не знаю. Расскажу поверья, которые от своей бабушки слышала. Бывает так, что человек очень нехорошо живет. То есть ему-то, может, и неплохо живется, а вот окружающим с ним – слишком тяжело. Если мучает он жену, детей, плакать их заставляет, бьет, издевается, то за это полагается наказание. Покинув тело, душа отправлялась в низшие миры и воплощалась там в домового. Понятно?

– Да. А что потом?

– Быть ему домовым, пока ошибки свои не исправит.

– А я никогда не буду своих детей обижать.

– Ты умница, я знаю, – она потрепала его по белокурой головке. – Давай ешь скорее, да пойдем с тобой уроки проверять.

– У-у, я не хочу. Мама пусть проверяет.

– Маме некогда будет, она на работе сильно устает. Ты маму любишь?

– Да!

– Вот, значит, пошли уроки проверять.

Мальчик резво вскочил и, схватив ранец, достал из него учебники и тетрадки.

– Ну-ка, давай, – Мария Федоровна водрузила на нос очки, – что у нас тут?

– Информатика, – вздохнул мальчик. – Тест надо сделать. – Он открыл тетрадь для домашних заданий и ткнул в разворот страницы пальцем.

– Что это?

– Здесь на каждой картинке нужно найти один общий признак предметов.

– А, так это же просто! – обрадовалась Мария Федоровна легкости задания в загадочном предмете «информатика». Конечно, у нее-то в детстве ничего подобного не было! – Вот смотри: на этой картинке изображены стол, стул, шкаф, табурет и диван. Это как одним словом назвать?

– Мебель.

– Правильно. А на следующей – машина, монета, лезвие, кнопка и гвоздь. Это что? Какой общий признак?

– Железо, – тяжело вздохнул мальчик. – Бабушка, я это уже и сам все решил. У меня ответ к четвертой картинке не находится.

Мария Федоровна взяла в руки тетрадь и поднесла поближе к глазам. Долго всматривалась в рисунки, а потом задумчиво пробормотала:

– На третьей – предметы овальной формы, без сомнения. А что ж объединяет изображенные на четвертой? – Простояв над картинкой в немом оцепенении минут пять, она взяла телефон и села с ним на диван. – Рая? Доброго здоровья тебе. Помогите задачу для второго класса решить по информатике. Нужно найти один общий признак предметов: пингвин, сапог, поезд, пианино, кит.

Мальчик внимательно наблюдал за бабушкой, за тем, как меняется выражение ее лица, потом тихонько подошел и прижался щекой к ее плечу. Ему очень хотелось слышать, что говорит бабушкина подруга Раиса Кузьминична, но из трубки доносилось только невнятное бормотание. Говорила же Раиса Кузьминична следующее:

– Маша, нет у них общего признака, поверь мне.

– Рая, раз в учебнике написано, что есть, значит, есть. Мне надо помочь внуку на завтра уроки сделать, так что давай напрягись.

– Ты посмотри внимательно, там наверняка задание на исключение.

– Рая, нет! Но я тоже не могу понять, какой там общий признак может быть.

Раиса Кузьминична задумчиво помолчала, потом неуверенно произнесла:

– А знаешь, я сейчас своей дочке позвоню. Она, правда, в школе литературу преподает, не информатику, но может же она у коллег спросить.

– Давай, Раечка, жду.

Мария Федоровна села и нетерпеливо застучала ногтями по столу, выбивая одной ей знакомый мотив. Андрюша, забыв про информатику, самозабвенно рисовал рыцаря в латах с мечом наперевес, не обращая внимания на переживания бабушки. Едва раздался телефонный звонок, как она тут же схватила трубку.

– В общем так, Маша, – озабоченно сказала Раиса Кузьминична, – правильный ответ: они все черные.

– Что?! – возмутилась Мария Федоровна. – Где ты, интересно, видела черный поезд?

– Ну-у, я не знаю... Может, автор учебника мистики насмотрелся.

– А пианино?! Они бывают разных цветов, не только черного. Фу, ну я не могу, что за издевательство над детьми, а? Ладно, Рая, спасибо. Я бы сама никогда не догадалась, потому что такое мог придумать только человек с нездоровой психикой.

Глава 3

Есия

Лифт по-прежнему не работал, пришлось плестись пешком на десятый этаж. Ноги от высоких каблучков уже так устали, что Есия то и дело ловила себя на шальной мысли снять сапоги и пойти босиком. Между седьмым и восьмым этажами Есия села на подоконник и стянула с левой ноги один сапог – почему-то эта нога устала больше, чем правая.

После краткой передышки нежелание подниматься дальше усилилось. Получалось как в старом бородатом анекдоте, когда в трех метрах от берега один пловец почувствовал, что силы заканчиваются, и сказал второму: «Ты как хочешь, а я поплыл обратно». Раньше Есии казалось, что это смешная и неправдоподобная история, но сейчас она была готова в нее поверить. Все-таки бывают в жизни моменты, когда не видно не то что берега в тумане, а даже того, что находится перед самым носом.

Сейчас ей больше всего хотелось оказаться дома, прижать к себе маленького сынишку и зарыться лицом в его пушистые белокурые волосы.

Есия вздохнула и взялась за перила. Мимо нее по ступеням весело проскакала девочка с косичками. Белая пушистая собачка, семенящая впереди нее, подбежала к Есии и деловито обнюхала ее ноги.

– Фу! – грозно крикнула девочка и резко дернула собаку за поводок.

– Она что, кусается? – удивилась такой строгости Есия.

– Собака не должна подходить к чужим людям, это закон!

Есии одновременно стало и смешно, и грустно. Из этой собаки конечно же охранник никакой – так, игрушка. Поэтому и дрессура строгая не нужна. «Лаской, лаской... Единственным способом, который возможен в обращении с живым существом», – так, кажется, говорил профессор Преображенский. Да, нужно только лаской. А дети часто бывают жестоки, даже не осознавая этого.

На десятом этаже, где находилась квартира Олега и Лены Крайневых, лестничная площадка была разгорожена на два отсека. Справа две квартиры и два звонка около двери и слева тоже. Белой краской по коричневому наличнику под звонками были коряво написаны номера. В квартире номер сорок, похоже, никого не было, и Есия позвонила в соседнюю, а затем нетерпеливо постучала кулаком в дверь тамбура.

Ноги гудели со страшной силой, так что невольно вспомнилось исторически значимое словосочетание «испанский сапог».

«И кто только придумал моду на платформу и шпильки по пятнадцать сантиметров?» – мрачно думала Есия, одновременно злясь на себя за тягу к красивой обуви.

Нет чтоб купить что-нибудь удобное на низком каблучке или вообще без него – на плоской и широкой подошве. Ноги были бы как в домашних тапках. Но Зося, не слишком заморачивающаяся в выборе слов, иронично называла такую обувь говнодавами, и Есия не могла с ней не согласиться. Женщина, особенно незамужняя, должна выглядеть красивой всегда: никто же не может предсказать, где, на каком жизненном этапе можно встретить свою судьбу. Так что приходится неудобства терпеть.

Позвонила в сороковую квартиру еще, в отчаянии потрясла ручку двери. При мысли, что сейчас придется ползти по лестнице вниз, так и не присев ни на минуту, ей стало дурно.

– Люди, ну почему вам дома не сидится? – простонала Есия, отползая к перилам и тяжело опираясь на них.

Вдруг дверь тридцать девятой квартиры приотворилась, оттуда выглянула маленькая седенькая старушка. Увидев Есию, прошаркала к входной двери, ведущей в подъезд.

– Вы к кому? – скрипуче произнесла она, зорко вглядываясь в Есию через прозрачное стекло.

Забыв о своих ноющих ногах, Есия резво вскочила.

– Здравствуйте, я из следственного комитета. Вы случайно не знаете, ваша соседка Елена Крайнева дома? Зовут меня Гостищева Есия Павловна, – и она приложила к стеклу развернутое удостоверение. Старушка на мгновение исчезла в недрах квартиры и тут же появилась снова с очками в руках. Просеменила к двери, водрузила на нос очки и внимательно всмотрелась в корочки удостоверения.

– А я – Роза Карловна, – сообщила она, открывая дверь и впуская Есию в помещение. – Вы извините меня за подозрительность. Слухи ходят, будто маньяк появился, новый Раскольников. Бродит по домам, старушек убивает. И ничего не боится! Видно, верит в свою безнаказанность. У последней-то жертвы, говорят, даже дверь ключами закрыл, когда уходил.

– Так это же не у нас, это в Казани.

– Ой, не скажите. Психи – они Интернетом множатся. Или порождаются, уж не знаю, как правильнее. А ну как прочитает какой-нибудь местный сумасшедший такую заметку да пойдет московских старушек убивать? – Роза Карловна всплеснула руками. – Их же полно в Интернете, психов этих! Интернет и сам есть порождение дьявола, прости господи.

– Вы правы, лучше перестраховаться.

– Вот и я так думаю. – Старушка сразу успокоилась и впала в добродушно-умиротворяющую задумчивость.

– Вернемся к нашему разговору, Роза Карловна. Скажите, ваша соседка Елена Крайнева сейчас дома?

– Да, я сегодня с Леночкой виделась. Мы с ней прямо здесь, перед дверями и столкнулись. У нее сумка полная продуктов была, так что мы еле разминулись с ней.

– А зачем ей так много, разве она не одна живет?

– У нее сынишка маленький. А покупает она продукты на всю неделю, чтобы каждый день по магазинам не ходить.

– Странно, что не открывает ваша соседка. А может такое быть, чтобы ушла куда-нибудь?

– Нет, нет, она дома, точно говорю! Мы с ней чуть-чуть поболтали. Я спросила, что она делать собирается, а Леночка говорит: «Суп буду варить». Тут я покойного Олега вспомнила, а она вдруг и говорит: «Олег давно к такой судьбе шел».

– Так прямо и сказала?

– Да, так и сказала. Я очень удивилась.

– А почему она считает, что для Олега эта смерть была предопределена, Елена не объяснила?

– Как-то неудобно мне было расспрашивать Леночку об этом. Подумала, горе у человека – молодого мужа потеряла, а тут я к ней со своими расспросами лезу.

– Что заставило вас почувствовать неуместность дальнейшего разговора? Лена что-то такое сказала?

Роза Карловна суетливо одернула платье и поправила прическу, воткнув шпильки поглубже в пучок волос на макушке. Опасливо покосившись на Есию, понизила голос:

– Ладно, раз уж проболталась, расскажу до конца. Как только Лена сказала, что Олег сам к такой судьбе шел, я сразу ей вопрос задала: «Почему»? А она вдруг мне и говорит: «Смотрите, какую капусточку я купила. Сейчас борща наварю да мужиков своих накормлю». Я не поняла, переспрашиваю: «Каких мужиков?» А она мне: «Сейчас Олежка с работы идти будет, Дениску из детского садика заберет. Мы сядем за обеденный стол все вместе и будем

телевизор смотреть». Ну точно, думаю, умом слегка тронулась молодайка. А вроде бы как перед этим разумно рассуждала.

– Вот так и сказала: «Олег с работы придет»?

– Ага, именно. Я дальше своими разговорами ее терзать не стала. Сказала, чтоб обращалась к нам с Ефимычем – это мой муж – в любое время суток. А что?! Мы с Семеном Ефимовичем всегда соседям готовы помочь. Но она нет чтоб поблагодарить, так рассеянно глянула на меня и к себе в квартиру пошла. Чудная стала. Да вы стучите громче, стучите! Дома она, точно.

Не дожидаясь, когда Есия подойдет, Лидия Яковлевна сама дробно застучала сухоньким кулачком в дверь.

– Лена! Открывай! Ле-на-а! Она такая растяпа, – повернувшись, пожаловалась Роза Карловна Есии. – Сколько раз дверь открытой оставляла – это ужас просто. Иногда приду домой, а у нее ключи в замке торчат. Приходится звонить, напоминать, чтобы ключи вытащила да дверь заперла.

– Да что вы так переживаете, Роза Карловна? У вас же в общем коридоре замок есть. Видимо, Елена вам полностью доверяет, если не торопится закрываться.

– Ах, – всплеснула руками женщина, – да разве ж это замок? Его же ногтем мизинца открыть можно! Заходи и бери чего хочешь. А Лена – она безалаберная такая, просто ужас. Вечно обе двери открытыми оставит и сидит. Один раз так и вовсе всю неделю жила без ключей.

– Это как?

– А очень просто. Потеряла всю связку, и все ей недосуг было новые сделать. Выскочит, двери просто прикроет и пошла по магазинам шляться. Конечно, я, когда видела такое, прикрывала всегда. Так она вернется и тарабанит в дверь. Злитесь на меня. Никакой благодарности! Вот что за человек такой, прости господи. А если бы я не замечала открытой двери да не закрывала за ней каждый раз?! Ограбили бы ее, и все дела. Один раз так накипело у меня, что не выдержала, высказалась. Так Лена обиделась и две недели не здоровалась со мной. Но я же добрая, не могу мимо открытой двери пройти. А чтоб самой первой не начинать разговаривать с ней, я кулаком ей в дверь стукну со всей силы да и иду к себе. А она потом выходит и закрывает. Вот так стучала, – и Роза Карловна продемонстрировала свой коронный удар кулачком, дверь этом глухо щелкнула и открылась.

– Ой, – растерянно оглянулась Роза Карловна на Есию. – А у Лены и сейчас не заперто...

Быстро отодвинув пожилую женщину в сторону так, чтобы ее не было видно в дверном проеме, Есия плотно прижалась к стене и крикнула:

– Крайнева, вы дома? С вами все в порядке? Кто-нибудь здесь есть?

– Как вы лихо, прям как в кино, – уважительно прошептала Роза Карловна, когда Есия, переведя дух, «отклеилась» от стены.

– Ну что вы, элементарные меры безопасности. Пойдемте в квартиру.

Как только они переступили порог, Роза Карловна уверенно посеменила вперед. Судя по всему, здесь она находилась не первый раз и отлично ориентировалась в квартире Крайневых.

– Лена, ты где? – позвала Роза Карловна. Она поспешила к ванной комнате. Заглянув туда, коротко вскрикнула и схватилась рукой за сердце.

Есия подбежала ближе. На светло-сизом кафеле лежала девушка. Слипшиеся от крови волосы закрывали лицо, рядом валялась опрокинутая корзина с вывалившимся из нее бельем. Ноги девушки были поджаты, а руки безвольно вытянуты вдоль тела. Складывалось впечатление, будто перед тем как ей нанесли удар, она присела, чтобы загрузить белье в стиральную машину.

– Леночка, что же это такое, – всхлипывая, запричитала Роза Карловна. – Вот напасть же какая на семью. Говорила я ей, надо священника позвать, квартиру освятить. Нельзя в нечистой квартире жить!

– Почему вы так говорили Елене? – спросила Есия, присев у тела девушки и убирая волосы с ее лица.

Губы жертвы посинели, лицо было белым как стена.

– Потому что какая-то чертовщина здесь еще при жизни Тамары Макаровны началась. – Нашарив на полке в ванной валерьяновые капли, Роза Карловна трясущимися руками отсчитывала их в стопку. – То кто-то будто бы ходит, половицами скрипит, то посуда ни с того ни с сего на кухне гремит, то ночью что привидится...

Есия тем временем осматривала рану на голове девушки. Довольно обширная и глубокая, она имела неровные края с поперечными белесоватыми тканевыми перемычками. Похоже, девушку ударили чем-то тяжелым, к примеру, бронзовой статуэткой. Есия осмотрелась по сторонам в поисках подходящей вещи. Но ни в ванной, ни в прихожей ничего подобного не заметила. Только подставка для зонтиков, ключница да пара прикрученных к стенам шкафчиков для обуви. Опять повернувшись к девушке, Есия провела по ее шее, нащупывая сонную артерию, и оглянулась на Розу Карловну:

– Она жива. Поищите бинты и вату, мне нужно остановить кровь.

– Слава богу, Леночка не погибла, – обрадовалась соседка. – Я бегу уже, бегу.

Она моментально испарилась, но через сорок секунд уже стояла рядом: в руках автомобильная аптечка, в которой оказались вата, стерильный бинт, перекись водорода и йод. Роза Карловна опустила на колени возле тела и стала неуклюже помогать обрабатывать рану.

– Я уже дальше сама, а вы вызывайте поскорее «скорую помощь», – попросила Есия.

Роза Карловна от волнения растерялась. Она вдруг поняла, что не помнит, где у соседей стоит телефон, и нервно заметалась по комнатам. Наткнулась на него в спальне, схватила трубку и бросилась к Есии.

– Что там «скорая»? – не поднимая головы, спросила Есия. – Вы дозвонились, Роза Карловна?

– Сначала занято было, а теперь никто не поднимает. Я все время номер набираю.

– Дайте мне. – Есия нетерпеливо выдернула телефон из рук Розы Карловны и набрала номер полиции.

– Говорит капитан юстиции Гостищева из следственного управления. Примите вызов. Женщина, тридцать лет, находится в своей квартире без сознания. На голове глубокая рана. Срочно выезжайте. Да, и вызовите «скорую помощь» поскорее, пожалуйста. У меня не получилось дозвониться.

– Скоро приедут? – виновато спросила Роза Карловна, переминаясь с ноги на ногу.

– Будем надеяться. Так что с квартирой Крайневых не так? Расскажите.

– Ах да. Знаете, Есия Павловна, старые люди такое чертовщиной называли. Вечно у них в ванной то стук частый слышался, то свист, то шаги чьи-то... Зайдет туда Тамара Макаровна – а там никого. Бесовщина, в общем, какая-то у нее в квартире творилась. Разве это нормально так жить? Какой человек выдержит?! Вот Тамара Макаровна и умерла. Легла в ванную и утонула. Ну вот скажите мне, какой нормальный человек ляжет в ванную уставшим? Я понимаю еще, когда работают от зари до зари. Так напашешься, что сил нет до постели доползти. Но Тамарочка была пенсионеркой. С чего ей дотягивать принятие ванны до того момента, когда валишься с ног?

Есия пожала плечами:

– Всякое бывает. Может, заснуть не могла, решила в ванной расслабиться. А может, сердечная недостаточность или еще что. Вскрытие делали? Какая официальная причина смерти?

– Утопление, – буркнула Роза Карловна и перекрестилась. – Тамара Макаровна взрослая женщина, разве она не понимала, что так делать нельзя?!

Глава 4

Герман

Беспокойно оглядевшись по сторонам, Герман хотел выбраться из узкого пространства, в котором оказался. Он попытался повернуться и встать, но тут же был остановлен грозным окриком:

– Не надо!

Герман с детства послушанием не отличался, а сейчас моментально подчинился. Смирненно сложил руки и замер, будто мертвый. Голос же, словно обрадовавшись покорности, сразу же монотонно забубнил. Да все о душе, о любви, о смерти. Тихий, размеренный, он укачивал как на волнах.

«Или в колыбели», – подумал Герман и сонно заулыбался. И тут же пригрезился ему дом его детства и мать, склонившаяся над колыбелью. Тонкая, изящная, словно сотканная из света и пены кружев, она глядела на него и улыбалась. Его ангел-хранитель, ушедший на небеса так рано. Но сейчас – он чувствовал это! – она была снова с ним. Провела рукой по его волосам и поцеловала теплыми губами в лоб.

– Мама, – прошептал Герман.

Он протянул руки, чтобы обнять ее, прижаться к родному плечу, но она вдруг растаяла. И остался лишь запах ванили, хвои да морозной утренней свежести.

– ...всякий, делающий грех, есть раб греха, – опять ворвалось в сознание гундосое бубнение попа.

– Не буду слушать, не хочу! – воспротивился Герман. – Пристал как банный лист, бубу да бу-бу. Отпустил бы уже домой к Марфе, мне ей пару вопросов задать нужно. Хочу спросить, как я все-таки сюда под эти доски попал? Ведь это она перед тем мне медовухи принесла... Наверное, налила какого-то зелья в кувшин. Не зря, ох не зря про Марфу говорили, что она с местной ведьмой дружбу водит. А я все не верил.

Как все это началось? Поставила Марфа кувшинчик на стол, присела на краешек стула и принялась пристально глядеть, как Герман кулебяку с грибами доедает.

Он в ответ лишь усмехнулся:

– Чего расселась, налей! – и с удовольствием увидел, как мгновенно посерело ее лицо и дрогнули в обиде губы.

Марфа махнула рукой служанке, и та бросилась выполнять приказание.

Нет, Герман не был равнодушен к жене. Совсем даже наоборот! Он любил ее. Любил так, что порой ему хотелось сжать ее в объятиях и держать. Иногда он ловил себя на мысли, что в этом есть нечто извращенное. Так от большой и нежной любви маленький мальчик крепко сжимает птичку в кулаке. А потом не понимает, отчего она испустила дух.

Герман влюбился в Марфу, как только ее увидел. Ясноглазая, светловолосая, она казалась совершенством. Идеал, богиня, нимфа! Он долго жил мечтой о недостижимом идеале, о женщине, ради которой был бы готов на все. И вот она стала его законной женой. Первые дни, даже месяцы он пребывал в полной эйфории, а потом его постигло жестокое разочарование: Марфа оказалась обычной и земной. Ей нравилось внимание других мужчин, и Герману все время казалось, что она изменяет ему. Нет, он не смог получить подтверждение изменам, но был уверен, что ему просто еще не удалось ее поймать.

Мстил он за крушение своих идеалов методично и изощренно. «Доставал» мелкими придирками и деспотичными запретами, не приходил ночевать и никогда не винулся и не успокаивал, если заставлял супругу в слезах.

А потом случайно в парке увидел, как поручик Сухомлинов смотрит на Марфу влюбленными глазами. Он явно что-то хотел сказать и не решался, а в его взгляде было такое обожание, что Германа охватила глухая ревность. Этим вечером он первый раз Марфу избил.

Герман и сам не понимал, что с ним происходит. Порой ему до боли в сердце хотелось обнять Марфу, приглубить. Но он вспоминал, что она ему неверна, и грубил ей. А однажды, изрядно перебрав вина, решился поведать Марфе, как любит ее. Покаяться, попросить прощения. Сказать, что ревнует, что не может без нее жить. И молить, молить о любви, которой он был лишен.

Но стоило ему только начать, как она рассмеялась. Даже не выслушала! И это убедило его в подозрениях: Марфа не любит его и ему не верна. И он избил ее второй раз.

Теперь Германа раздражало в Марфе все: и как она пишет, аккуратно выводя кругленькие, словно бусинки, буквы. И как думает, глядя в потолок и закусив кончик карандаша; и как слушает музыку, чуть-чуть склонив голову набок и мечтательно глядя вдаль; и как смеется, распахивая объятия бегущим навстречу ей близнецам.

Но эти же жесты, подмеченные им у кого-нибудь другого, вызывали мучительно-сладостную боль, напоминая о его любимой недоступной Марфе.

И вот вчера Герман нашел письмо.

«Mon cher ami, – писал незнакомец, – я уезжаю, и мне будет очень не хватать Вас...»

А дальше неизвестный объяснялся в любви. Он сумел найти именно те слова, которые когда-то хотел, но так и не смог сказать Марфе Герман. Он так писал о своем чувстве, что каждое слово, каждая буква дышали нежностью.

Нет, в письме не было ни слова об измене. Напротив, незнакомец сокрушался, что так и не смог покорить «неприступную Марфу», и теперь уносит в своем сердце ее нетронутый образ. Но Герман от ревности буквально рассвирепел.

Дальнейшее он помнил смутно. Как, каким образом в его руках оказалась плетка, он тоже не знал. Не помня себя, остервенело стегал Марфу. О, если бы только она запросила пощады, покаялась, он бы опустил плеть. Но Марфа не издавала ни звука, и это бесило его еще больше.

Как в тумане Герман видел близнецов, повисших на его руках. И прислугу, которая, ворвавшись следом, скрутила его.

На следующий день Герман весь вечер просидел в придорожном кабаке. А ночевать пошел к чернобровой хозяйской дочке. Она девка справная, на нее многие окрестные парни заглядываются, а вот к Герману прилипла – не оторвать. Да только зачем она ему? Даже душу излить да про холодность Марфы поговорить – и то не получится. Противно.

Далеко за полночь ему привиделась жена, купающаяся в ночной реке. Длинные волосы распластались по воде, белые руки отдавали синевой в лунном свете. А на берегу, глядя на нее, сидел мужчина. Герман вскочил с бьющимся сердцем, оделся и выскочил во двор. Светила полная луна, тихо трещали сверчки.

Герман пошел берегом реки. Отчасти чтобы сократить путь, а отчасти – чтобы избавиться от наваждения. Когда до тропинки, ведущей к его дому, оставалось чуть больше ста метров, Герман вдруг услышал голос. Ее, Марфы, голос. Она читала что-то нараспев, подняв руки к небу и глядя на звезды.

Герман осторожно подошел ближе и спрятался в кустах. Это действительно была Марфа, и бормотала она что-то на латыни. Герман разобрал несколько слов, но общего смысла так и не уловил.

Гнев закипел в его груди. И ведь не побоялась лихих людей, одна ночью на речку пошла. Он вспомнил сон и нервно огляделся по сторонам, выискивая спутника Марфы. Не найдя, вышел на берег и быстро разделся.

– Ну я тебя сейчас пугну. Будешь знать, как ночью одной на реку ходить.

Он быстро бросился в воду и, надавив ей сзади на плечи, начал топить.

«А ведь никто не видел, как я вдоль речки шел, – мелькнула подлая мысль. – Утопи я ее сейчас – никто не узнает. Скажут, сама потонула».

Пока Марфа барахталась, сопротивляясь, он держал ее под водой. А когда смирилась, схватил в охапку и на берег поволок.

А на следующий день та медовуха и появилась на столе.

Он сначала ничего не почувствовал. Выпил, отставил в сторону чарку и от кулебяки с грибами откусил. Вдруг перед глазами все закружилось, поплыло. Герман подумал сперва, что отчего-то слишком быстро опьянел, но внезапно комната стала будто хрустальной. Все – и стол, и стулья, и стены стали хрупкими до невозможности, надулись пузырями и затем разлетелись острыми брызгами.

Круглые осколки градом осыпались вниз и заскакали мячиками по полу. Герман закричал и схватился за глаза. Голова кружилась, хрустальной пылью забивало рот, нос, не давая дышать.

А потом все вокруг стало желтым. В детстве это казалось забавным – найдешь цветное стеклышко и смотришь через него на мир. И он весь желтый – небо, люди, облака... Но сейчас все было всерьез, и от этого становилось жутко. Герман дернул ворот, задыхаясь, и потянулся к кувшину с водой. Кувшин покатился по столу и упал на пол. Вслед за ним рухнул Герман.

«Не надо было грибочки медовухой запивать», – уже теряя сознание, услышал он чей-то голос.

Вот так все и случилось. А теперь вот очнулся Герман в чужом доме и с грубой шерстью на руках. Интересно, может быть, это ему только снится?

Герман прислушался. Голос все еще монотонно бубнил, наставляя раба Божьего на путь истинный.

– ...и вернутся к нам деяния наши, и пожнем мы то, что посеем...

«Вернутся, – мысленно согласился Герман. – Марфе все ее деяния вернутся. Будет знать, как мужа не уважать».

– ...и потому надлежит рабу божьему Герману исправить то, что может быть исправлено, и сделать то, что должно быть совершено...

«Зря я вчера Марфу в омуте не утопил. Не было бы сегодня со мной такой неприятности».

– ...и продолжить начатое, ибо не ведаем, что творим...

«Скорей бы уже отпустил», – тоскливо подумал Герман.

– ...и возвратится раб божий Герман на землю в виде духа нечистого, духа домашнего, и задача будет ему дана наладить мир и гармонию в семье. Да свершится сие во искупление! – загремел напоследок голос, и вдруг все стихло.

Герман с облегчением вздохнул и, чувствуя, как тело становится невесомым, закрыл глаза.

А его уносило ввысь как пушинку, подхваченную ветром. Оттуда он видел все – свои ошибки, свои победы. Лента жизни быстро промелькнула перед ним, и он очутился в абсолютной тишине. Звуки, запахи исчезли, была только бескрайняя пустота.

Потом Германа швырнуло в скопление звезд, оттуда выбросило в черную воронку. Там завертело, закрутило с такой силой, что он зарычал от боли, но не услышал своего голоса.

Это продолжалось ужасно долго. Он чувствовал себя то огромным, вмещающим всю Вселенную, то крошечным, сжавшимся в точку и грозящим вот-вот исчезнуть.

Теперь Герман точно знал: есть вещи пострашнее, чем смерть. Это раствориться, исчезнуть без остатка, разлететься по Вселенной звездной пылью. Нет, даже не пылью – превратиться в ничто, в пустоту. И знать, что никто и никогда больше не вспомнит о тебе.

Это было так страшно и так несправедливо, что Герман принялся неистово повторять: – Господи, Боже, принимаю волю Твою! И да свершится суд Твой и на земле и на небе...

Он путал слова и фразы, боясь замолчать хотя бы на минуту. Ему казалось, что тогда он сразу исчезнет, и только молитва удерживает его на грани бытия.

Так молился он до изнеможения, пока не понял, что вокруг что-то изменилось. Вращение замедлилось, и тьма вокруг перестала быть враждебной. Она окрасилась в мягкие розовые тона, и его вдруг выкинуло в ослепительную белизну.

Снова была та же самая комната с ходиками без гирь и картиной с растекшимися часами. Из стены прорезались неясные тени и материализовались в двух невысоких человечков.

– Ты пошто ему память-то не до конца стер? – ворчливо поинтересовался один.

– Дык шут его знает, – хитро блеснул глазами второй. – Прикидывался беспамятным совсем. Зачем обманул, бес его знает?!

«И ничего я не прикидывался!» – хотел обиженно выкрикнуть Герман, но только невнятно промычал.

– Иж ты, не ндравится ему, – покачал головой первый. – Ты, милок, потерпи. Чай не я, а ты сам себе наказание, тьфу ты, работу над ошибками выбирал.

Второй затрясся, поскрипывая, что, видимо, изображало смех.

«Какую работу? Над какими ошибками? Когда выбирал?» – хотел спросить Герман, но не успел.

Человечки растянули перед его глазами легкую дымчатую ткань, и все исчезло.

Глава 5

Есия

Мать Елены Крайневой, Галина Аркадьевна, приехала после телефонного звонка очень быстро. Она даже опередила «скорую помощь» минут на пять и, неумело пытаясь помочь дочери, причитала, и стонала. Когда наконец приехали врачи и засуетились вокруг Елены, Есия отвела Галину Аркадьевну в сторону.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов. Позволите?

– Да, конечно, – подавленно откликнулась женщина.

– Я расследую дело о гибели Олега Крайнева, мужа Елены. Сегодня приехала сюда поговорить с Леной и застала ее без сознания. У вас есть предположения, кто мог это сделать?

– Нет, абсолютно.

– Тогда посмотрите, пожалуйста, не пропало ли в квартире чего-то ценного?

Женщина рассеянно оглянулась по сторонам и покачала головой:

– Нет, ничего не вижу. Хотя... Знаете, вот здесь у Лены статуэтка стояла. Имитация голливудского «Оскара». Леночка раньше мечтала актрисой стать, но только чтоб обязательно очень известной. Ну, вы знаете, как мы все мечтаем в детстве. И один из ее молодых друзей, Павлик, подарил ей статуэтку «Оскара» на день рождения. Как символ ее будущих мировых побед. Я еще тогда посмеялась: «Ты же, – говорю, – русской актрисой стать хочешь. Зачем тебе “Оскар”?» А она мне ответила, что я ничего не понимаю. Лена потом всюду таскала эту статуэтку с собой, где только ни жила. Уж не знаю, в память ли о Павлике или о своей несбывшейся мечте... Мальчик тот погиб во время службы в Ингушетии. Автомобиль, в котором Павлик ехал из Назрани в Беслан, подорвался на mine. – Галина Аркадьевна подошла к высокому обувному шкафчику в прихожей и положила на него ладонь. – Вот тут статуэтка стояла. Я сначала от страха и не заметила, что ее нет.

– Понятно. Из чего статуэтка сделана была?

– Бронза.

– Тяжелая?

– Да.

– Хорошо, давайте тогда пройдемся по остальным комнатам, может быть, увидите какие-нибудь перемены.

Галина Аркадьевна послушно кивнула и прошла вперед. Оглядевшись, она наморщила мучительно лоб:

– Вроде бы все на месте. Хотя... – Она помедлила, словно колеблясь, говорить или нет, и процедила сквозь зубы: – Кольца с рубином не вижу. А должно быть.

– Кольцо?

– Я перед смертью Олега заходила к Лене, Дениске в подарок детский конструктор принесла. И вот здесь, – она показала на книжную полку над столом, – стояла красная бархатная коробочка. Такая изящная, что я невольно взяла ее в руки полюбоваться. Открыла – а в ней кольцо с рубином. Мне даже показалось, что оно старинное. Но я не эксперт, могу ошибаться.

– Возможно, подделка под старину?

– Может быть.

– А могла Елена переставить куда-нибудь коробочку? Допустим, спрятать? Все-таки драгоценностям не место на книжной полке.

– Ах, боже мой, вы просто не знаете мою дочь! Она безалаберная и совершенно равнодушно относится к вещам. Даже к дорогим. Не знаю, может, я виновата, что вовремя не привила Лене любовь к порядку. А может, она сама такая народилась. Но я так и не сумела ей объяснить, почему вещи не должны лежать на виду, особенно дорогие.

– Понятно. Значит, кольцо исчезло. А откуда оно у Елены, знаете?

– Нет, – быстро сказала Галина Аркадьевна и, увидев удивленно поднятую бровь Есии, торопливо добавила: – Нет, правда, я не знаю! Лена такая скрытная! Если не захочет говорить – ни за что не расскажет. Я ее, разумеется, спросила, откуда такое дорогое кольцо. А она только губы поджала. Тогда я ее в упор спрашиваю: «Олег подарил?» Прощедла сквозь зубы «нет» и разговор на другую тему перевела.

– Как полагаете, у вашей дочери был другой мужчина?

– Да что вы! – всплеснула руками Галина Аркадьевна. – Как вы только могли такое о моей девочке подумать?! Она любила Олега и ни за что бы не стала изменять ему.

– А как вы относились к Олегу?

Галина Аркадьевна вздернула подбородок и сжала в кулак губы. Несколько секунд стояла молча, глядя невидящим взглядом в пространство, потом вздрогнула и в упор посмотрела на Есию.

– Да, я не любила его, – с вызовом отозвалась она. – А за что мне было его любить?! За то, что как только женился на молодой девушке, так сразу ее в домашнее хозяйство по самые уши запряг? За то, что вечно метался – то одним делом займется, то другим и никогда ничего до конца не довел?

– Он был намного старше Елены?

– На семь лет. Мужу тридцать семь, скоро тридцать восемь должно было исполниться, а ему все хиханьки-хаханьки. Все в бирюльки играл. Да и фактурой не оброс, точно подросток выглядел: капюшон на голову, руки в карманы – и вперед! Ну что это такое?! Разве так одеваться в тридцать семь лет солидно?!

К вечеру, когда Есия освободилась, желание идти на встречу с бывшим мужем испарилось совершенно. Несколько раз она хваталась за телефон, чтобы позвонить Игорю и отменить встречу, но каждый раз трусливо нажимала на «отбой».

«Что же ты? – мысленно подбадривала она себя. – Да скажи ты ему, что устала и никуда уже не хочешь идти».

Ох, это привитое с детства чувство долга! Это омерзительное чувство вины, из-за которого Есия постоянно ощущала себя несвободной. Она вечно что-то кому-то была должна, и ей категорически не хватало смелости отстаивать свои интересы.

– Ты лапша, – как-то раз безапелляционно заявила ей Софья, выслушав Есины жалобы на загруженность. – Знаешь такую поговорку: «Кто везет, того и погоняют»? Так вот ты та самая лошадь в упряжке и есть. Сбрасывай с себя лишнего седока.

– Я не умею, – жалобно протянула Есия.

– Так учись!

Есия после этого честно пыталась научиться, но от ее неуклюжих попыток становилось только хуже. Прежде всего ей самой.

Когда стрелка приблизилась к критической отметке 18.00, Есия сорвалась с места и понеслась к месту встречи.

И «Печки-лавочки» и «Эсквайр» находились практически рядом, на одной стороне улицы и всего в ста метрах друг от друга. Есии оставалось пройти еще примерно треть расстояния, как вдруг сзади раздались быстрые шаги и на ее плечо легла чья-то рука.

– Еся! – радостно осклабился Игорь, когда она повернулась. – А я тебя давно уже здесь поджидаю. – В «Эсквайре» столько народу – не протолкнуться, все столики заняты. Так что я сменил место дислокации, будем праздновать в «Печках-лавочках».

– Что праздновать?

– Ну как же?! Наше примирение. Мы же теперь будем вместе, не правда ли? – и он заискивающе улыбнулся.

С трудом подавляя нарастающее раздражение, Есия пошла за ним к «Печкам-лавочкам». Подойдя к столику, где уже по-хозяйски расселся Игорь, она поставила сумку на стул и расстегнула пальто. Игорь все это время сидел и, умильно улыбаясь, наблюдал за ней. Только когда она уже сняла пальто, он вдруг спохватился и помог повесить его.

– Что будешь? – спросил он.

– Игорь, давай расставим все точки над «і». Я, наверное, испорчу сейчас тебе настроение, но никаких «мы» давно нет. И больше не будет.

– Не торопись с ответом. Давай я сейчас принесу что-нибудь поесть, мы выпьем легкого вина, расслабимся и обо всем поговорим. На голодный желудок решения не принимают.

– Боюсь, мой желудок тебе не союзник. Мне совершенно расхотелось есть.

– А помнишь, как у нас все начиналось? Ты шла мне навстречу, вся такая красивая в лучах утреннего света, и я не мог оторвать от тебя глаз. Ты была такая необыкновенная – тоненькая, стройная. Твои волосы светились золотистым ореолом, и ты была одета в голубое платье.

– Не фантазируй, Игорь. Не в голубое, а в зеленое, и это было вечером, а не утром.

– Я прекрасно все помню, – обиделся он. – Это ты перепутала. С кем ты познакомилась тем вечером? Это был Георгий, да? Или Степан?

– Это невыносимо! – Есия встала.

– Все-все, прости, больше не буду ревновать. Сядь, пожалуйста, – он потянул ее за руку вниз. – Я хотел сегодня рассказать, как раз и навсегда влюбился в тебя. «Вот она – моя будущая жена!» – сказал я себе и решил во что бы то ни стало добиться тебя. И ведь добился! А помнишь, я подарил тебе сиреневые тюльпаны, и они стали для нас символом нашей любви.

Есия вздохнула.

– Игорь, наша встреча была ошибкой, я сейчас абсолютно уверена в этом. Начиналось все очень красиво, но дальше пошло наперекосяк. Извини, мне не очень хочется нашу с тобой совместную жизнь вспоминать.

– Зачем ты так говоришь?! – воскликнул он. – Я ведь все делал для тебя. Да вспомни же, вспомни!

Есия, задумчиво разглядывая Пьявченко, покачала головой.

– Пожалуй, я пойду. Мне правда пора. Обещала маме пораньше прийти, не задерживаться.

Он вскочил и бухнулся перед ней на колени.

– Хочешь, я на колени перед тобой встану, только чтобы ты выслушала меня?

– Ты уже стоишь, Игорь. – Есия смущенно озиралась по сторонам.

Люди за соседними столиками с интересом наблюдали за разворачивающейся перед ними сценой. И это было понятно: стремительно нарастающий градус разговора обещал пикантное зрелище.

– Я же ни о чем особенном тебя не прошу, только о совместном ужине. Просто скажи «да», и я буду счастлив! – Он сказал это так громко, что теперь на них оглянулись и те, кто сидел дальше и мирно беседовали.

– Игорь, пожалуйста, перестань. – Есия густо покраснела.

– Нет. Только если ты согласишься со мной поужинать, и никак иначе! – Он дурашливо затряс головой, обнял ее за колени и уткнулся носом в живот.

– Я согласна, согласна.

Сейчас ее уже раздражало в бывшем муже все: и его влажный лоб, оставивший отметины на ее светлой юбке, и прилипшие ко лбу рыжие волосы, и дурацкая ухмылка, и даже щегольские часы, купленные то ли на распродаже, то ли по случаю у сильно нуждающегося в деньгах приятеля. Есия слышала эту историю несколько раз, но детали всегда благополучно забывала.

Игорь резво вскочил и, машинально отряхнув джинсы, побежал к кассе. Есия осталась за столиком. Искушение улизнуть из кафе было так сильно, что она заерзала. Единственное, что сдерживало – нежелание попасть в центр еще одного публичного скандала. В том, что Игорь бросит подносы и моментально окажется рядом, она не сомневалась.

Между тем он сгребал все, до чего мог дотянуться. Вероятно, недавняя сцена пробудила в нем зверский аппетит. Да такой, что любящий плотно поесть Игорь совсем слетел с катушек. Есия наблюдала за ним мрачно, уже смирившись с неизбежностью общения, но продолжая ругать себя за трусливость. Есть же счастливые люди, которые легко умеют говорить «нет». И почему она не входит в их число?

– Я взял сырники со сметаной – они тут сегодня очень хороши, – заявил Игорь, сгружая тарелки на стол. – Еще две отбивные с грибами, одну сметанку с сахаром – это мне, я помню, ты не любишь, два салата, жаркое в горшочке, селедку под шубой, вареную кукурузу, паштет и жульен.

– М-м, – застонала Есия, закрывая глаза и сжимая пальцами виски.

– Что, голова болит, да? Это у тебя от голода. Сейчас поешь – и все пройдет. Начни с отбивной. Тут ее готовят – пальчики оближешь!

Он окинул плотоядным взглядом стол, заставленный снедью, придвинул к себе свою часть тарелок и начал есть. Делал он это суетливо и дергано, будто боялся, что отнимут. Есия мрачно отметила, что по степени заинтересованности едой он сравнится разве что с дикарем, голодавшим до этого неделю.

Есть решительно не хотелось. Есия вяло ковыряла вилкой сырники, наблюдая, как в ненасытной утробе бывшего мужа последовательно исчезают отбивная, жаркое, жульен и оба салата. Широко открыв рот и сузив в щелочки глаза, он откусил от бутерброда, и бордюрики масла пролезли через щели между его широко поставленными зубами. Это оказалось последней каплей. Она отодвинула тарелку и встала.

– Извини, мне пора.

– Так ты ж почти ничего не съела! Чего сидишь как в гостях, давай ешь как следует. Вон, светишься уже. – Он вытер салфеткой жирные губы и попытался, привстав, поцеловать ее в щеку.

Есия откачнулась.

– Меня дома мама с Андрюшей ждут, мне нужно идти.

– Подождут. Твоя мама, между прочим, родная бабушка Андрею. Ничего с ней не случится, если лишних два часа с внуком посидит.

– У нее есть свои дела.

– Какие могут быть дела у старухи? Пусть внука нянчит.

– Вот и поговорили. Спасибо за информативную и полезную беседу. Теперь я точно знаю, какие перспективы в браке с тобой меня ожидали, и уверена, что правильно сделала, когда развелась.

– Почему это, чего я такого неправильного сказал?

– Пропусти.

– Есичка, – залебезил Игорь, – ты же знаешь, как я тебя люблю. Да я бы ни за что в жизни никогда не посмел назвать тебя старухой, сколько бы лет тебе ни исполнилось. Ты для меня всегда будешь молодой.

– Игорь, не смей. Ты же смог себе позволить целоваться с подружкой невесты на свадьбе друга, прекрасно понимая: если я и не увижу, мне обязательно донесут. Смог. Так это поступок! А тут всего лишь слова.

– Неправда, она сама вешалась на меня!

– Да ладно, я видела, кто на кого вешался.

– Так ты поэтому со мной развелась? – Взгляд его из нахального стал преданно-собачьим.

– А любовница из Иванова?

– Но это мимолетное увлечение, и потом я попросил прощения.

– А юная бродяга, путешествовавшая автостопом?

– Ты сама виновата, не надо было от меня тогда уходить! Я же здоровый мужчина, что мне оставалось делать?!

– Все, мне пора.

– Подожди, ты не можешь так уйти, мы должны закончить разговор.

– Разговор окончен. – Она, путаясь в рукавах, нервно натянула пальто и потянулась за сумочкой.

– Стой! – Он схватил ее. – Не уходи еще пять минут.

– Отпусти меня, – прошипела Есия, вырываясь.

– Хорошо, две.

– Меня ждет мама.

– Мама?! Опять мама?! Да когда ты уже вырастешь! – рассвирепел Игорь. – Если бы не твоя мама, у нас все было бы по-другому. Это она развела нас!

Он повысил голос, и посетители заинтересованно оглянулись на них.

– Отойди в сторону и пропусти меня, – зло прошипела Есия. – Я на сегодня исчерпала лимит глупостей, ни секунды больше здесь не останусь. – Она отпихнула Игоря и пошла к выходу.

– Это она все время настраивала тебя против меня! В моей жизни были две ведьмы – ты и твоя мать!

Девушка, сидящая у крайнего столика, окинула Есию заинтересованным взглядом. Не каждый же день сталкиваешься нос к носу с потомственной ведьмой.

Глава 6

Revenant

«Как же меня все достало! – жалела себя по дороге домой Есия. – Ну почему у всех все нормально, по-человечески, а со мной вечно какое-нибудь скотство происходит?!»

Вопросами, подобно этому, Еся задавалась с детства. И прекрасно знала, что все равно не найдет ответа. Нет его, ответа на извечный вопрос: «За что?»

Коль суждено тебе всю жизнь совершать глупости и влипать в нелепые ситуации, то так и будет. Или нет? Может быть, выход все-таки есть?

Тут же вспомнилась давняя заметка о лондонском метро, где на дверях существовала надпись: «Выхода нет». И число самоубийц, решивших свести счеты с жизнью, неуклонно росло. Есию та заметка поразила. Она ярко представила, как стоит такой бедолага, опершись плечом о поручень, и смотрит перед собой. А у него все паршиво – нет работы, друзья разъехались, нет жены, нет детей. Он никому не нужен, и эта надпись становится последней каплей.

«Умрешь, начнешь опять сначала, и повторится все как встарь. Ночь. Ледяная рябь канала. Аптека. Улица. Фонарь».

А выход всегда есть. Только он с другой стороны.

Есия достала из кармана магнитный ключ, прижала его к замку. Дверь щелкнула, открываясь. На первом этаже играла громкая рок-музыка, пахло женскими духами, сигаретами и сдобной выпечкой. Почему-то сегодня это раздражало – и музыка, и запахи, и медленно работающий, никуда не торопящийся лифт. Наконец он остановился на пятом этаже.

– Я дома! – крикнула Есия, открывая ключами дверь.

– Мама пришла! – Андрюша бросился к ней и повис на шее. – А у нас домовый появился.

– Домовых не бывает, это сказки.

Есия не смогла удержаться от поучительного тона, и лицо мальчика сразу осунулось.

– Но мама!

Ей тут же стало стыдно.

– Прости, малыш. Просто я сегодня очень устала.

– Мама, я его сам слышал. И бабушка Мария слышала. Это она мне про домового сказала.

– Хорошо, дорогой, пусть будет так, – ласково погладила сына по светлой макушке Есия.

– Мама, мы его с бабушкой покормили. Там за печкой пирожок лежит. Завтра его нужно будет достать и покормить птичкам, – жарко зашептал ей на ухо мальчик, обхватив ручонками шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.